
ORIENTALIA: СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Б. Гаврилова

Независимый исследователь

DOI 10.69538/PV.2024.67.55.007

«ОВАЛЬНАЯ ПЛАСТИНКА» СРЕДИ НАДПИСЕЙ I ДИНАСТИИ ЛАГАША: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

I

Древневосточное восприятие текста существенно отличается от европейского. В латинском языке *textus* означает «сплетение», «связь», «структура». И на первый план выходит образ словесной вязи, ткачества словом. Но на древнем Ближнем Востоке ко всему написанному подходили функционально. Глиняная табличка имела точного адресата. Она предназначалась либо для шумерского школьника, либо для писца, либо была адресована божеству. На табличке первоначально вели учет храмового персонала, скота и анализ хозяйственных операций, и эта исходная функция записанной информации впоследствии повлияла на все жанры клинописной литературы. Текст предстает здесь не вязью риторических элементов, а учтенными знаками информации о материальных, числовых и временных параметрах общественного быта и в итоге — бытия. Неслучайно в клинописных языках отсутствует глагол «читать» в современном значении. Табличку можно или «видеть», или «слышать», или «возглашать вслух». Неслучайно и то, что из индоевропейского корня **(s)keit* «считать», «учитывать», «ценить», «почитать», «число» впоследствии происходит общеславянское *čísti*, имеющее уже вполне современное значение «читать». Этот путь от счета и учета вещей к восприятию начертанных знаков всякий раз необходимо иметь в виду при анализе древнейшего жанра письменных памятников Ближнего Востока — старошумерских царских надписей.

Так называемая «Овальная пластинка» царя I династии Лагаша Урукагины, найденная экспедицией Э. де Сарзек в конце XIX в. на территории городища Телло (древний Гирсу), наряду с его Конусами В и С является одним из важнейших источников по истории и идеологии Раннединастического периода, — в особенности, идеологии, связанной с социальной деятельностью правителя, выраженной через законотворчество. Собственно, все старошумерские тексты I династии Лагаша, будь то хозяйственные тексты, царские надписи, космогонические фрагменты или заклинания, являются источниками именно по идеологии и истории не только конкретного города и его округа, но и Шумера как такового, поскольку, в отличие от лапидарных надписей Киша или Ниппура, они наиболее полно представляют фундаментальные вопросы общественного бытия. Среди них особо выделяются надписи с упоминаниями о проводимых изменениях в законодательстве — то, что мы условно называем «реформенными текстами».

«Реформенные тексты» при первом же прочтении вызывают следующие вопросы общего характера:

1) было ли законотворчество самоцелью для правителя шумерского города?

2) было ли законотворчество связано с представлением о царской власти и с какими именно ее свойствами?

3) была ли форма реформенных текстов этого времени новаторской и насколько она отразила тенденции исторического времени?

4) как царь воспринимал время своего правления, как он работал со временем, как воспринимал то, что было до него и то, что делал он? Видел ли царь итоги своей деятельности как нечто, обреченное на уход вместе с ним, или же как нечто закрепленное им, и на какой срок?

К ответам на эти общие вопросы могут привести следующие практические вопросы:

1) кем был правитель-реформатор по происхождению и что вынудило его создать подобные тексты — происхождение или внешние обстоятельства?

2) как социальные реформы влияли на становление царской власти конкретного правителя? способствовали ли они ее территориальному расширению (ведь борьба за плодородные и благоприятные для земледелия районы была крайне актуальна для Древней Месопотамии)?

3) каковы отношения с линейным и циклическим временами в этих текстах?

Метод поиска ответов на эти вопросы для древнего текста лежит только в плоскости текста и его структуры, ее последова-

тельного развития, ее изменений, так как древний текст был не просто записью ради самой записи, но организующим событием жизни общины, событием, призванным сохранить и усовершенствовать общинную повседневность, привести ее к высшему порядку, без которого невозможно выживание общины¹.

II

Старошумерская царская надпись дала формульную основу таким жанрам шумерской письменности, как царский гимн и царская хроника, и такому жанру вавилонской письменности, как кодекс законов. То есть царская надпись как явление лежит в основе большой литературной традиции. Поэтому для исследователей царская надпись всегда представлялась важной частью культуры Древней Месопотамии.

Изучение старошумерских царских надписей сложилось к нынешнему дню в четыре основных подхода: филологический, социально-исторический, культурно-исторический и структуралистский. Подробному анализу эти методы подвергнуты мной в статье о сакральных формулах царских надписей Урукагины².

Филологический подход представлен автографиями, систематизацией текстов по известной на тот момент хронологии и по величине, изданиями корпуса надписей. Этот опыт собирания и систематизации текстов был в свое время предпринят Ф. Туро-Данже-ном, Э. Солльберже, Х. Штайблем и Г. Беренсом³. Наиболее современными изданиями корпуса надписей являются книга Д. Фрэйна и электронная база данных по старошумерским царским надписям⁴.

¹ Тем более не случаен характер письма как такового, учитывая сами условия возникновения письменности и писцового ремесла: не только создание какой-либо записи на камне, битуме или глине при помощи зубила или тростникового стилоса, но и ее хранение, размещение в храме или дворце, обжиг, сушка на солнце были особым специализированным занятием, а сам писец имел особый статус в земледельческой общине.

² *Гаврилова Ю. Б.* Сакральные формулы царских надписей Урукагины // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002.

³ *Thureau-Dangin F.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Leipzig, 1907; *Sollberger E.* Corpus inscriptions 'royales' présargoniques de Lagaš. Genève, 1956; *Steible H.* Die Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1982; *Behrens H., Steible H.* Glossar zu den Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983.

⁴ *Frayne D. R.* Presargonic Period (2700—2350). Toronto; Buffalo; London, 2008; The Electronic Text Corpus of Sumerian Royal Inscriptions. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/etsri/> (дата обращения: 14.08.2024).

Социально-исторический подход стал складываться на волне изучения типологии и смены типов общественно-экономического развития в исторической науке. А. Даймель и В. В. Струве поняли ценность старошумерских царских надписей для изучения картины жизни ранней земледельческой общины и перспективу их изучения для исследования политической и правовой истории¹. Изучением политико-правовых аспектов (с привлечением современных им хозяйственных текстов, но без исследования самооценности царской надписи) занимались М. Ламбер, Т. Якобсен и И. М. Дьяконов².

Культурно-исторический подход, пришедший на смену социально-историческому, сформировался благодаря интересу А. Фалькенштейна, Д. О. Эдзарда и Г. Зельца к пантеону раннего Лагаша, его культам и некоторым проблемам представлений шумеров об устройстве мира, информация о которых представлена в надписях наряду со сведениями по праву и социальной истории³. Д. О. Эдцард первым предположил наличие мифопоэтических мотивов в реформенных текстах Урукагины. Он вычленил из них некоторые формулы и сравнил их как с эпическими текстами Шумера, так и с мифами и эпосами других народов мира. Так постепенно старошумерская царская надпись стала для специалистов встраиваться в мировоззренческую картину мира, выходя за узкие рамки правовой, хозяйственной и политической деятельности древнего земледельца.

Четвертый подход — структурно-текстологический, бывший вполне в рамках интеллектуальных поисков того времени — представлен единственной статьей Б. Грушки «Внутренняя структура реформенных текстов Урукагины», в которой была впервые рассмотрена взаимосвязь фабульного содержания и выразительных средств старошумерской царской надписи⁴. Б. Грушка разделил тексты на

¹ *Deimel A.* Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger. Roma, 1931; *Струве В. В.* Государство Лагаш (XXV—XXIV вв. до н. э.). М., 1961; *Струве В. В.* Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации // Вестник древней истории. 1964. № 4.

² *Lambert M.* Les 'réformes' d'Urukagina // *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*. Vol. 50. No. 4. Paris, 1956; *Jacobsen Th.* Early political development in Mesopotamia // *Toward the Image of Tammuz*. Oxford, 1970 (статья 1957 г.); *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

³ *Falkenstein A.* Die Inschriften Gudeas. Roma, 1966; *Edzard D. O.* 'Soziale Reformen' im Zweistromland bis ca. 1600 v. Chr. Realität oder literarischer Topos? // *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. XXII. Budapest, 1974; *Selz G. J.* Den Fährmann bezahlen! Eine lexikalisch-kulturhistorische Skizze zu den Bedeutungen von *addir* // *Altorientalische Forschungen*. Vol. 22/2. Berlin, 1995. *Selz G. J.* Untersuchungen zur Götterwelt des altsumerischen Stadtstaates von Lagaš. Philadelphia, 1995.

⁴ *Hruška B.* Die innere Struktur der Reformtexte Urukaginas von Lagaš // *Archiv orientální*. No. 41/ 1—2. Praha, 1973.

смысловые параграфы, имеющие аналоги в законодательных текстах Месопотамии более поздних эпох.

Таким образом, к кон. XX—нач. XXI вв. старошумерская царская надпись представляется нам текстом либо условно литературным (с неясным назначением), либо законодательным (с неясным назначением), не представляющим более материала ни для изучения других жанров, ни для изучения идеологии шумеров Раннединастического периода. Первые шаги в направлении осмысления формульного состава, его связи с идеологией и духовной жизнью общины были предприняты мной в двух статьях¹.

Для реконструкции эпохи I династии Лагаша² нужно рассмотреть все жанры клинописных текстов. Однако, для того чтобы понять устройство самой надписи, необходимо провести имманентный анализ текстов. Конечно, следует иметь в виду, что происхождение древних текстов связано с ритуалом и его отправлением. Гимны в честь божества, заклинания, царские гимны имеют указание на чтение текста вслух и на цель чтения текста. *Но царская надпись никогда не содержит колофона, и связано это с тем, что в ней даны основополагающие постулаты аксиоматической природы.*

Здесь следует воспроизвести некоторые результаты моих предыдущих исследований. Самые краткие надписи старошумерских правителей³ состоят только из имени, титула и названия города: «(Эн)мебара(ге)си, царь Киша», «Ур-Нанше, царь Лагаша»⁴. По определению А. Г. Лундина, исследователя лапидарных сабейских надписей, это «мемориальные» надписи — функция памяти в них стоит во главе текста, то есть является по сути его колофоном⁵. Ме-

¹ Гаврилова Ю. Б. О методике изучения старошумерских царских надписей // Россия и арабский мир. Вып. 6. СПб., 2000; Гаврилова Ю. Б. Сакральные формулы царских надписей Урукагины // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002.

² До настоящего времени были всего лишь три удачные попытки такой реконструкции, основанные на совмещении данных царских надписей с хозяйственными текстами: помимо указанной монографии Г. Зельца, это также: Cooper J. S. *Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict*. Malibu, 1983; Prentice R. *The Exchange of Goods and Services in Pre-Sargonic Lagash*. Münster, 2010. Желание В. В. Струве представить историю I династии Лагаша как борьбу граждан за свои права не привело к созданию общающего труда.

³ Здесь и далее все старошумерские царские надписи переводятся по изданиям: Frayne D. R. *Presargonic Period (2700—2350 BC)*. Toronto; Buffalo; London, 2008 (далее RIME 1); The Electronic Text Corpus of Sumerian Royal Inscriptions. URL: <https://oracc.museum.upenn.edu/etsri/> (дата обращения: 14.08.2024).

⁴ RIME 1.07.22.02; RIME 1.09.01.01, соответственно.

⁵ Лундин А. Г. *Государство мукаррибов Саба*. М., 1971. С. 42.

мемориальность шумерской надписи доказывается и реализуется не только содержанием текста, но и расположением материального носителя надписи, помещением ее в качестве закладного кирпича или гвоздя в стену значимой городской постройки, чаще всего храма.

Имя царя в царской надписи никогда не отделяется от его титула и имени города, но имя города и титул не привязаны ко времени правления. У нас есть только часть хронотопа, из которого в данном тексте изъяты конкретное время прихода к власти и правления царя — об этом упоминаний в текстах нет. Мы видим здесь мемориальность без связи со временем. Основная функция памяти и запоминания посредством текста связана с местом, где заложена табличка, именем собственным, именем города и титулом. При этом место расположения тоже не названо, так как предполагается, что место неизменно. Внутри царской титулатуры выстраиваются вертикальные и горизонтальные связи: на вертикали по отношению к локусу расположена фигура царя, по горизонтали к царю расположен город — локус. Это двухмерная картина.

Царские надписи, следующие по хронологии после Энмебаргеси и Ур-Нанше, содержат имя бога в качестве адресата посвящения. Это посвященные надписи, которые занимают второе по значимости место после мемориальных. Если сохранение в памяти — первая задача, то вотивность — вторая после нее, по крайней мере, согласно данным на сегодня.

Здесь мы видим, что точно так же, как перед именем божества ставится детерминатив «бог», после имени правителя ставится такой же условный постноминатив, состоящий из титула и города. Урукагина никогда не будет просто человеком Урукагиной — вне титула и города. В постпозиции к имени бога может ставиться слово *лугаль* и название города, где осуществляется царская власть этого бога. Таким местом осуществления власти бога является его природная стихия, которая включена в его имя. Общешумерское божество, носящее имя Энки, «владыка земли», может носить титул царя Абзу, а божество Энлиль, «владыка воздуха», — титулы отца богов, царя Неба и Земли. Здесь также наблюдается двумерная картина. Местный бог — Нингирсу — носит титул «герой (*ur-saĝ*) Энлиля». *Внутри титулатуры местного бога или бога-хозяина человека выстраиваются только вертикальные связи, и это картина одномерная.* Можно предположить, что таким образом реализуются представления шумеров о божественном в его связи с локусом и его частями.

При этом титул «бог» — имя бога, состоящее из стихий, «локус правления» — неделим и постоянен, как и в царской титулатуре постоянны имя царя и его город. Постоянство и неизменность —

важнейшее свойство локуса как фундаментальной категории для жителя земледельческой общины. К таким же категориям относятся неделимость имени бога и титула царя.

Полная старошумерская царская надпись из Лагаша имеет стандартное начало с некоторыми незначительными вариациями. Как правило, полнотекстовая надпись открывается посвятельной формулой: «Богу Нингирсу, герою Энлиля, — от Уруагины, царя Лагаша»¹. *Правитель заявляет о себе через действие, посвященное богу-покровителю города. Он представляет себя как человека, действующего во имя божества на территории города — этот факт позже окажется крайне важной чертой реформенных текстов. Важны только бог, титул царя, место правления. Никакого упоминания времени правления, конкретных дат и сроков в таких надписях нет.* Мы имеем дело с фактом отсутствия упоминания времени, который, несомненно, имеет значение².

Далее чаще всего обозначаются родственные династические связи. Первые правители династии Лагаша обязательно указывали имена отцов: «Ур-Нанше, царь Лагаша, сын Гуниду, сына Гурсара», «Энанатум, сын Акургалья, *энси* Лагаша», «Энанатум, *энси* Лагаша, сын Акургалья, *энси* Лагаша». Однако Уруагина на посту царя (*лугалья*) Лагаша сменил Лугаланду, который не был ему отцом. И хотя его надписи содержат многочисленные и значительные лакуны, но в основном эти лакуны подлежат восстановлению по другим его текстам. Тем не менее отсутствие имени отца невозможно объяснить даже лакунами. Оно означает, что Уруагина не был прямым наследником царской власти. Последнее хорошо известно, но должно быть специально оговорено при структурном анализе царских надписей Уруагины.

Отсутствующая связь с царственными предками в текстах Уруагины компенсируется его связью с прошлым города: в разных текстах он сообщает о том, что «прежнее имя (канала) он установил», «прежнюю судьбу установил»³. Он и знает прежний порядок, и восстанавливает его.

Предшественник Уруагины в традиции реформ царь Лагаша Энметена упоминает в своих очень кратких реформенных надписях своих предков на троне: как прямых предков, так и богов. При этом

¹ RIME 1.09.09.01 I 1-5.

² Интересно, что до эпохи Саргона Аккадского в шумерских датировочных формулах царского правления, записанных в колофонах хозяйственных текстов, нет описания событий данного года, а ставится только число самого года. Таким образом, даже датировочные формулы царей Лагаша не были насыщены в то время фактами из жизни общества.

³ RIME 1.09.09.01 XII 34-35; RIME 1.09.09.01 VIII 7-9, соответственно.

в родословной правителя Энметены в первую очередь в тексте упоминаются именно боги, вызвавшие его к жизни, а потом уже его отец. «Богу Лугальэмуш — Энметена, *энси* Лагаша, избранный сердцем богини Нанше, великий *энси* Нингирсу, сын Эанатума, *энси* Лагаша...»¹; «Богу Нингирсу, герою Энлиля — Энметена, *энси* Лагаша, наделенный силой Энлилем, вскормленный священным молоком Нинхурсаг, избранный сердцем Нанше, великий *энси* бога Нингирсу, возлюбленный сын Лугульуруба, сын Энанатума, *энси* Лагаша. Когда Нингирсу избрал его в своем сердце в Гирнуне, и наделил судьбой в Энинну, Нанше с любовью на него посмотрела в Сираре...»²

Здесь следует обратить внимание на то, что семантика силы (наделенный силой Энлилем), власти (великий *энси* Нингирсу), судьбы (наделенный судьбой богом Нингирсу в храме Энинну) связана с мужскими божествами. А семантика любви (Нанше с любовью на него посмотрела в Сираре) и причастности к кормящему божеству (вскормленный священным молоком Нинхурсаг) связана с божествами женскими. Примечателен тот факт, что Лугальуруб, как ипостась божества-жертвы — умирающего и воскресающего Думузи — тоже связан с семантикой любви, которая является прерогативой женских божеств, что дает больше почвы для исследования культа такого бога с точки зрения гендерно-социальной и календарно-природной идентификации.

При этом избранничество, связанное с властью, олицетворяют и мужские и женские божества одновременно, что можно счесть и очень глубоким следом бытовавшей некогда полиандрии, и представлением о единстве природы человеческого и божественного.

После перечисления родственных связей с богами и царями, как и некоторых строительных мероприятий, Энметена сообщает о реформах в четырех строках: «возвращение к матери в Лагаше восстановил, сына вернул матери, мать вернул сыну. Прежние условия заемщикам зерна вернул»³.

О приведении к трону старошумерские царские надписи в основном сообщают, что царской властью наделили правителя именно местные божества. Есть и некоторые исключения: так надпись Энметены говорит нам, что бог Энлиль в городе Ниппуре даровал тому «высокий скипетр определения судьбы»⁴. При этом и местное лагашское божество, и покровитель этой династии богиня Нанше

¹ RIME 1.09.05.04 I 1-10.

² RIME 1.09.05.26 I 1-III 4.

³ RIME 1.09.05.04 III 10-IV 5.

⁴ RIME 1.09.05.18 I 4'-I 8'.

наделяют Энметену царской властью. Возможно, утверждение царя города проходило через две инстанции: как местную, так и центральную — ниппурскую. Наследование и выборность в древних обществах сменяют друг друга в стадильном смысле, но не одновременно, а постепенно, как мы видим из этой группы текстов¹.

В надписях Урукагины есть две формулы приведения его к власти: «...когда Нингирсу Урукагине царственность Лагаша передал, из множества людей за руку его взял» и «царственность Гирсу он принял»². Здесь употребляется термин *nam-lugal*, который имеет значение не просто царской власти как социального факта, а воплощения царственности и всех ее возможностей. Очевидно, что царь не сам добился и не сам взял власть — он был взят богом за руку, можно сказать, он был восхищен богом для осуществления царственности. *Царь по тексту, во-первых, обладает только теми свойствами, которыми его наделяет божество. Во-вторых, царь взят божеством ради воплощения царственности. В-третьих, царь не говорит о себе в первом лице.*

Можно сказать, что в царских надписях Урукагины мы имеем фигуру царя, избранного городским божеством из множества людей, но при этом царя без царственного предка; царя, сохранившего письменную традицию, бытовавшую до него, и традицию социальных реформ, к которым иногда прибегали его предшественники. Для надписей Урукагины не важны личные свойства и характеристики царя — он ни плох ни хорош. В результате своих действий он должен вернуть справедливость и изначальный порядок. Здесь важна не личность и ее божественная наделенность, а ее действия. Не используются никакие эпитеты, сравнения и прилагательные, только глагол определяет действие Урукагины.

За посвятельным началом текста следует информация о постройках, как действии, совершаемом во имя упомянутого бога или богов. Постройки сопровождаются ритуалом называния нововозведенных объектов значимыми именами, призванными охранять город. Так, например, в строительной надписи *энси* Лагаша Энметены сообщается о том, что храму дано имя «Глаз, поднятый над степью», а новой причальной стенке в городе Гирсу — «Владыка живых существ»³. *Возможно, эти имена описывают главные свойства городских богов как эпитеты.* Строительная часть, где говорится о

¹ Более подробно титулатура царей I династии Лагаша в связи с их божественными связями рассмотрена в работе: *Kadochnikov I. Deification of kings in Ancient Mesopotamia (from III to II millennium BC)*. Tartu, 2023. P. 68—87.

² RIME 1.09.09.01 VII 29-VIII 6; RIME 1.09.09.02 VII 1'-VII 3', соответственно.

³ RIME 1.09.05.27 III 7; RIME 1.09.05.27 IV 2, соответственно.

возведении храмов, устройстве садов, строительстве колодцев или прокладке каналов, неразрывно связана с частью посвяжительной. Далее могут следовать сведения о военных победах во имя богов. Этим и несколькими эпизодами наделения царя властью богами, собственно, и ограничивается содержание старошумерской царской надписи из Лагаша. Посвяжительная и строительная части должны быть признаны константой царской надписи, ее статическим обязательным элементом.

Как уже было сказано, хронология в старошумерских царских надписях не обсуждается и не отмечается. Время приведения царя к власти, годы его правления, сроки реформенных мероприятий не отмечаются. Исключение мы находим в небольшом и очень сильно поврежденном конусе Урукагины из города Гирсу, где есть упоминание некоего десятого дня, когда что-то произошло. В этом разбитом конусе в начале речь идет о строительных работах по рытью канала во имя богини Нанше, о постройке храма Эннину в истоке канала и храма Э-Сирара в устье канала, а после — либо о строительстве стены вокруг города Гирсу, либо об окружении его врагом¹. Во всех остальных контекстах проблема времени, его измерения и упоминания ограничивается формулировками *u₄*, *u₄-bi*, *u₄-ul-li-a-ta* «когда, тогда, с тех пор». Здесь видно, что имеют значение не время, а место и действия, совершенные царем в этом месте. Реформы царя — переменная часть его программных больших текстов, строительная деятельность — статическая часть. Ни в той ни в другой части именно программных текстов нет упоминания времени правления, кроме отсылок к прошлому, когда была начата практика нарушений, и к настоящему, когда царь «свободу установил». Главным здесь является понятие *ama-gi₄*, «возвращение к матери» (т. е. свобода) и акт ее установления. Отсутствие формулировок наподобие «отныне будет так» обозначает тот факт, что для царя ни время, ни другие внешние обстоятельства не в силах повлиять на его решения. Время в надписях Энметены и Урукагины трактуется через место, то есть через пространство.

Еще одним важным фактом старошумерской царской надписи как таковой является описание действий царя, бога, описание храма и судьбы в терминах превосходства. «Дом великих МЕ неба и земли», «высокий скипетр определения судьбы», «большой храм», само понятие «лугаль», применяемое и к царю и к богу, которое буквально обозначает «большой человек». Буквальность значения слова нередко оказывается ложным другом переводчика, но в случае древнего языка в буквальном и первом значении слова мы имеем

¹ RIME 1.09.09.04.

дело с наблюдением над самым основным и отличительным свойством предмета или явления. Такие понятия, как «большой», «высокий», переросшие потом в понятия «превосходный», «великолепный», обозначают пространственные вещи, особенности его взаимодействия с местом, отличительные особенности наблюдения за ним. *Такая вещь (большая, высокая) отчетливо выделяется на фоне достаточно однообразного и ровного пейзажа юга Двуречья.* Это особенная вещь, она изначально наделена властью над пространством в силу своих размеров. Итак, отсюда снова следует тот факт, что пространственные характеристики, взаимодействие вещи с местом является его важнейшим свойством, и снова место и действия выступают основными характеристиками власти царя, храма и т. д.

III

Овальная пластинка из Гирсу, ныне хранящаяся в Археологическом музее Стамбула (EŞEM 01717), датируется концом XXIV в. В ней не указано (имеются большие лакуны) имя царя, от лица которого издаются изложенные здесь законы. Одни исследователи полагают, что тексты законов на пластинке созданы в эпоху Энметены или Энентарзи¹, другие же считают, что текст записан в эпоху Урукагины. В настоящее время текст условно обозначается Ukg. 6 (UruKAgina 6).

Реформы впервые упомянуты в текстах Энметены — одного из предшественников Урукагины. Структура реформенного текста Энметены сходна со структурой реформенных надписей Урукагины: начало текста строительно-посвятительное, затем несколько строк, посвященных реформам. Однако, в отличие от надписей Урукагины, текст Энметены не содержит подробного перечисления нарушений социального порядка. В надписях Энметены начало текста традиционно для старошумерской царской надписи — оно посвячительно-строительное: «Богу Лугальэмушу Энметена, *энси* Лагаша, избранный сердцем богини Нанше, великий *энси* Нингирсу, сын Энанатума, *энси* Лагаша, святилище Дугру для Нингирсу построил, А-Уш для него построил — храм, на который Нингирсу благостно взглянул, — и посвятил ему»².

¹ В своей неопубликованной диссертации Ф. Вукосавович выдвигает ряд аргументов в пользу датировки данного текста временем правителя Энентарзи. Они будут приведены ниже. Благодарю доктора Филипа Вукосавовича за возможность ознакомиться с его работой: *Vukosavović F. Reforms of Uruinimgina. Thesis submitted for the degree of «Doctor of Philosophy».* Jerusalem, 2009.

² RIME 1.09.05.04 I 1-II 4-7.

В конусах В и С после посвячительно-строительной начальной части текста сообщается прежде всего о нарушениях социального порядка «с давних пор, с тех пор, когда семья вышло». В начале реформенной части конусов указывается на первоначальный порядок. В срединной части текста отмечена точка перехода от прежнего нарушенного порядка к порядку, восстановленному Урукагиной. В завершающей части заключается договор между царем и главным божеством и утверждаются полномочия царя на власть. Эти части связывают текст реформ. Овальная пластинка сохранила именно перечисление нарушений и восстановления порядка, описание войны между Лагашем и Уммой и строительную часть. Все прочие части выбиты.

В реформенной части надписей Энметены не обнаруживается какого-либо упоминания о нарушениях, и это не является случайным фактом или фактом лакуны — соответственно, и об исправлении конкретных нарушений упоминаний нет. Собственно, вся реформенная деятельность Энметены уложена в две строки одной формулы в зеркальном отражении: «возвращение к матери в Лагаше восстановил, сына вернул матери, мать вернул сыну, прежние условия заемщикам зерна вернул».

В реформенной части «Овальной пластинки» поименованы те, кто совершает некие действия, направленные против других граждан: лодочники, надсмотрщики над рыбаками, пастухи, администратор храма, сторожа кладбища и так далее — все, кто поименован и в Овальной пластинке. О причинах, приведших к нарушениям порядка, об инициаторах не сообщается, только об исполнителях. Это очень важная черта реформенных текстов — ни прежний правитель, ни какие-то внешние обстоятельства экономического или иного свойства не называются. Отсутствие необходимости разбираться с причинами, отсутствие необходимости заявлять о них является традиционным для реформенных текстов, в которых важным является опять только факт нарушений и дальнейшие действия для работы с ними. *Не дается никакая этическая оценка бытовавшим нарушениям и нарушителям, не ведется поиск виновных. Понятие вины и виновника не существует, есть только факт нарушения. О наказаниях также не сообщается.*

После списка нарушений сообщается о том моменте, «когда бог Нингирсу, герой Энлиля Урукагине царственность Лагаша вручил, из 36 000 (скорее всего это обозначает просто "множество". — Ю. Г.) человек руку его взял, прежнее положение он (Урукагина) установил»¹. Такая композиция может свидетельствовать о том, что

¹ RIME 1.09.09.01 VII 29-VIII 9.

целью приведения Урукагины к власти могло быть именно устранение перечисленных несправедливостей. Конструкция «прежнее положение установил» (букв.: ‘прежнее определение судеб установил’) в другом месте текста названо «возвращение к матери установил» — *ama-gi4-bi e-gar*¹. Это устойчивое, со временем ставшее фигуральным выражение, скорее всего, очень древнее и, возможно, относится ко времени матрилинейного рода и полиандрии, когда фигура матери и понятие матери обозначали идеальное положение вещей. Как большинство устойчивых выражений в древних языках, оно являет собой некую фундаментальную идею, связанную с культовым календарем. В монографии «Шумерский календарный ритуал. Категория МЕ и весенние праздники» В. В. Емельянов специально рассматривает выражения, связанные с возвращением к исходному порядку вещей. На основе данных многочисленных текстов, в том числе ритуальных, однозначно привязанных к конкретному времени, он делает вывод о том, что и ритуал и идея «возвращения к матери» привязаны к весенним обрядам «выпускания на волю птиц в качестве выкупа за жизнь освободителя»². Более того, идея возвращения к изначальному порядку связывается В. В. Емельяновым с возвращением вод разлива к своим берегам: «Весенний разлив возвращается к своему берегу после длительного отсутствия благодатной воды... разрушенный город восстанавливается после потопа»³.

Учитывая то обстоятельство, что строительные мероприятия городских правителей, обновление храмов и их престолов, приходились на весенний период, когда сходили воды наводнения, а окончание военных мероприятий также имело весеннюю временную привязку и весеннюю семантику, можно и реформенные тексты датировать по этим признакам весенним временем. Сезонность древних текстов объясняется их ритуальностью. В действительности реформы могли проводиться когда угодно, но знаменовали в ритуальном отношении возобновление нового цикла, подобно тому, как воцарение нового правителя всегда ритуально приходилось на первый месяц года, когда бы в действительности ни начиналось это новое правление.

Далее в Конусах В и С в том же порядке, что и нарушения, перечисляются меры для их устранения.

Важным завершающим элементом реформенного текста является еще одно упоминание воли бога: «...с богом Нингирсу Уру-

¹ RIME 1.09.09.01 XII 21-22.

² Емельянов В. В. Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники). СПб., 2009. С. 245.

³ Там же. С. 247.

кагина этот договор заключил»¹. То есть под текстом как бы стоят две подписи — царя и бога. Далее для закрепления этого договора приводится перечень новых строительных работ. Значит и право на строительство царь получает после исполнения воли Нингирсу. Важным представляется тот факт, что после реформ Урукагина расширяет имеющийся уже маленький канал, устанавливает его прежнее имя «Нингирсу избранник Ниппура». В этой строке подтверждается факт того, что легитимность царя установлена не только в родном ему Лагаше, но в духовном центре Шумера — Ниппуре. С этим каналом Урукагина соединяет «канал, идущий в Нина. Это канал священный, поток его чистый. Богине Нанше проточную воду пусть он приносит»². *Так Урукагина соединяет власть Ниппура и лагашского округа и в хозяйственном, и в духовном смысле.*

Хороши ли данные реформы для города как экономической структуры — об этом ничего не сообщается в тексте. Видимо, они должны быть хороши и важны для горожан — для тех, кому царь является *лугалем*. Бог именуется *лугалем*, но и царь именуется *лугалем*, то есть праведность действий царя равна праведности действий бога.

В конусах В и С Урукагина есть относительное указание на время возникновения нарушений порядка: «С давних пор, с тех пор, когда семя вышло, тогда лодочник лодку себе забирал, пастух осла себе забирал, надсмотрщик над рыбаками сеть (?) себе забирал... Управляющий храма в саду бедной горожанки деревья обирал, плоды оттуда уносил... Дом *энси* примыкал к полю *энси*... От границы бога Нингирсу до моря контролеры-исполнители были поставлены», но «когда Нингирсу, герой Энлиля, Урукагине царственность Лагаша вручил, он (Урукагина) прежнее положение вещей установил. Слову своего царя, которое Нингирсу ему сказал, он внял. От лодок лодочников отстранил, от ослов... пастухов отстранил, от сети рыбаков отстранил... В доме *энси*, на поле *энси* бога Нингирсу хозяином их поставил, от границы Нингирсу до моря контролеры человеку не указывали».

Структурно реформенные динамические части надписей Урукагина закольцованы в статические сакральные части текста, традиционные для текстов его предшественников. Никогда реформа не выносится ни в начало, ни в конец текста — она не открывает и не закрывает текст, она внутри него, как часть священного — так сообщается реформе ее неоспоримость и законность через ее встроенность в структуру священного. Более того: нововве-

¹ RIME 1.09.09.01 XII 26-28.

² RIME 1.09.09.01 XII 39-XII 45.

дения царя не новы, они были в воле и законе богов. Царь не действует как волюнтарист, его воля — продолжение воли богов и воплощение идеи царственности. Ничто новое не ново: если царь действует как лугаль, он действует как бог-лугаль.

Таким образом, целью реформ было исполнение воли богов, возвращения порядка, установленного богами, посредством исправления или устранения каких-либо несправедливостей, учиненных кем-то, не названным в тексте. И восстановление связей между богами Ниппура и Лагаша.

Такого традиционного начала текста в «Овальной пластинке» мы не находим из-за сильной поврежденности начала текста (и не только начала) — тело таблички содержит значительные лакуны. Реконструировать начало текста мы можем по конусам Урукагины В и С, которые содержат информацию о его социальных реформах: «Нингирсу, герою Энлиля Урукагина — лугаль Лагаша — дворец в Тираше построил. Антасурру построил. Храм богини Бабы построил, бур-саг — храм для ее постоянных жертвоприношений построил. Помещение для стрижки овец в ее (богини Бабу) Урукуге построил. Богине Нанше ее любимый канал лопатой прорыл, устье его до Абшага (часть Абзу или синоним Абзу) проложил. Стену города Гирсу построил»¹. Это масштабные строительные работы, в конце конусов сообщается о еще нескольких постройках, и вряд ли первые годы правления, упомянутые в Овальной пластинке могли бы быть отмечены еще и другими строительными проектами.

В лапидарной царской надписи параллелизм отсутствует, то есть нужды в дополнительных выразительных средствах для аргументации речи данного текста не было. Параллелизм наглядно демонстрирует взаимосвязь выразительного средства и доказательного инструмента. В структуре реформенной части мы наблюдаем правило строгого параллелизма — соположения одинаковых по семантике фраз. Здесь можно наблюдать зарождение амбейной композиции или антифонического параллелизма.

Начало текста «Овальной пластинки» утрачено — лакуна примерно из пятнадцати строк. Формульная стандартизованность шумерского текста, инициированная представлениями о порядке, дает исследователю право реконструировать начало надписи как типичное для этого вида текстов.

Текст разбит на абзацы, в каждом из которых приведен правовой прецедент. В тексте нет никаких формулировок, которые содержали бы определение ситуации как несправедливой или проблемной. Все прецеденты даются исключительно как факты и опи-

¹ RIME 1.09.09.01 I 1-III 1.

саны стандартной формулой «если такой-то что-либо производит, то такой-то у него часть производимого забирает». То есть описано условие для возникновения несправедливости — деятельность человека определенной профессии или социального статуса, далее указывается степень несправедливости — сколько единиц производимого забирают, далее — в другом разделе текста описано исправление несправедливости. Виды нарушений порядка: отобрать, взять сверх меры одним лицом, неоднократно взять разными лицами, не предоставить самого необходимого.

На каких установлениях — царской власти, храмовой власти, общинного права — были основаны предыдущие установки, неясно. У каждого нарушения есть некий аргументирующий элемент, то есть особые условия, отмеченные в тексте, дающие понять, что здесь описана несправедливость. Этот аргументирующий элемент является определяющим свойством вещи или явления, без него сентенция была бы лишена ее характерного признака.

Кол. I
Лакуна (около 15 строк выбито)
I 0'-1') ... серебро.
I 2'-4') Если гражданин покупал несколько овец,
(некто) отбирал из этих овец самых лучших¹.

Речь идет о взимаемом с покупателя от совершения сделки купли-продажи натуральном налоге. Аргументирующим нарушением элемента текста здесь является понятие «лучший». Это и денежный эквивалент: те, что лучше, оценены выше. Худший товар после взимания этого налога возрастает в цене. Соответственно, речь идет о повышении таким образом цены товара низкого качества. Товар высокого качества изымается и из рыночного оборота, и у покупателя. При этом главным является тот факт, что сделка облагается налогом, независимо от качества товара. Из любого товара отбирается лучшее, которое может быть лучшим из самого негодного, и изымается в пользу того, кто установил этот налог.

В Конусах В и С, текст которых много сохраннее, данный прецедент описан очень кратко: «Пастух овцу себе забирал».

I 5'-9') Жрецы-умастители отмеряли
ячменный паек в Амбаре,
жрецы-умастители дом (для) ячменных пайков
в Амбаре построили.

¹ Перевод текста со старошумерского языка выполнен мною по современному электронному изданию фотографий документа: <https://cdli.mpiwg-berlin.mpg.de/artifacts/222610> (дата обращения: 14.08.2024).

Здесь наблюдается параллель с Конусами Урукагины В и С, где сообщается только о взвешивании положенного ячменя, а не о построенных хранилищах. Текст Овальной пластинки явно предназначен для уточнения прецедента, так как в Конусах о хранилище ничего не сказано. Соответственно, аргументирующим элементом можно условно считать именно постройку хранилища. Условно — только по причине имеющихся в тексте лакун.

I 10'-21') Когда [...], главные распорядители,
старшины храмов, певчие, управляющие, пивовары
во дворце овец стригли, (то), если овцы были белые,
они должны были заплатить пять сиклей серебра
за шерсть овец, доставленную во дворец.

Здесь описана ситуация повышающего коэффициента на шерсть белой, то есть более ценной овцы. Аргументирующим элементом является не одно понятие, а связка «белая шерсть — дополнительная плата». Связующее звено связки «доставка во дворец». В данном случае мы имеем первое упоминание об особом налогообложении жречества. Очевидно, что имущественная власть дворца стоит над властью храма.

В Конусах В и С этот случай описан как «Землемер, главный певчий, управляющий, пивовар, старосты за жертвенного ягненка серебром платили». Здесь не упоминается ни доставка во дворец, ни взимаемая сумма, более того — должности поименованы разные.

I 22'-26') Волы богов возделывали луковую
[посадку] *энси*, и [лучшие поля богов —
луковые и огуречные посадки *энси*]
(Лакуна из 15 строк)

Второй пример особого налогообложения жречества. При условии, что городской правитель не имеет собственного орудия труда (волов для пахоты) и арендует их у храма, то и поля *энси*, которые обрабатывают волы богов, начинают принадлежать *энси*, соприкоснувшись с имуществом *энси*. Здесь мы имеем аргументирующий элемент в виде определения «лучшие поля богов». Как и в случае с белой овцой, забирается нечто лучшее¹.

В Конусах В и С этот прецедент звучит следующим расширенным образом: «Волы богов огород *энси* возделывали. Лучшее поле богов — это луковая, огуречная посадка *энси*. Упряжных ослов, рабочих волов (у) верховных жрецов отбирали, зерно верховных жрецов войны *энси* (себе) отделяли». Текст «Овальной пластинки»

¹ Д. Фрэн реконструирует конец предложения так: «And [the bes]t [fields of the] gods became the garlic and cucumber plots of the ruler» (RIME 1, p. 272).

поврежден, поэтому нельзя однозначно трактовать эти различия как истинные различия.

II 1'-9') Когда *игинуду* работал на канале Мушду, близком к полю, то, пока он исполнял свою повинность-*аддир*, *шублугаль* пить воду ему не давал, ослу (его) пить воду не давал; не давал ему питьевой воды; не давал ослу его питьевой воды.

Понятия *игинуду* (*igi-nu-du*₈ «не поднимающий глаз») и *аддир* (*addir* «налог») встречаются только в царских надписях Урукагины¹ и в «Овальной пластинке», что укрепляет нас в мысли о том, что данный текст также относится к эпохе Урукагины.

В этом абзаце повествуется о том, что категория работников с неясным названием *игинуду* задействована на полевых работах рядом с каналом и их вьючные животные не обеспечиваются питьем. Эта часть текста имеет значительные лакуны, и потому невозможно понять, является ли особое положение поля рядом с каналом аргументирующим элементом. Но, учитывая важность пространственных характеристик вещей и явлений, можно сказать, что именно положение у канала становится аргументирующим элементом.

В Конусах В и С сообщается лишь о том, что *игинуду* пользовался водой на поле и водой канала Мушду пользовался, в части, где говорится о реформах, этот прецедент не обсуждается.

II 10'-14') Если бедный человек устроил садок для рыбы,
(и) рыбу у него забирали,
(то) человек этот произносил: «О бог Уту!»²

Здесь описано взимание процента за устройство садка для рыбы в виде изъятия потомства разводимой рыбы. Здесь нет указания на количество рыбы, можно думать, что рыбу забирали всю.

В Конусах данный прецедент не сохранился.

II 15'-21') Когда мужчина разводился с женой, *энси* города брал с него пять *сиклей* серебра, главный визирь брал один *сикль* серебра.

Здесь речь идет о налоге на развод. Нарушение порядка, видимо, заключено в двойном взимании платы. Аргументирующим элементом является перечисление всех, кто брал налог на развод.

¹ *addir*_x : RIME 1.09.09.1 vii 3, xi 11; RIME 1.09.09.02 vi 25'; RIME 1.09.09.02, ex. add05 iii 5'. *Igi-nu-du*₈: RIME 1.09.09.01 vii 20; vii 24; x 38.

² Данное обращение является формулой взывания к справедливости. Поэтому Д. Фрэйнд считает, что здесь пропущен субъект действия — кредитор бедняка: «If a poor man had an interest-accruing loan for his fish tank, (his creditor) could take away its fish (simply by) uttering a (simple) "O Sun god" complaint"» (RIME 1, p. 273). Однако это неочевидно. Скорее, речь идет о самом бедняке, который взывал к справедливости по поводу несправедливости со стороны властей.

В Конусах данный прецедент не представлен.

II 22'-31') Если человек наносил сурьму на свое лицо, *энси* брал с него 5 *сиклей* серебра, *суккаль-мах* — 1 *сикль серебра*, жрец-*абгаль* — 1 *сикль* серебра.

Здесь та же самая ситуация неоднократного взимания налога на производимый продукт. Аргументирующим элементом является перечисление всех, кто брал налог на продукт.

В Конусах данный прецедент не представлен.

II 32'-33') [Если?] человек ходил в одежде (лакуна)

В Конусах имеется обширный фрагмент текста, посвященный ритуальной одежде верховных жрецов, которую они несли в качестве подати в царский дворец.

Лакуна (около 15 строк выбито)

Далее следует часть текста, говорящая об отменах данных практик, об отменах взимания налога, либо об отмене некоего прецедента. Как и в Конусах В и С, соблюдается принцип параллелизма, обусловленный вполне логичной необходимостью упомянуть об отмене несправедливых случаев в том же порядке, что и в порядке их описания. Однако ввиду значительных лакун доказать наличие строгих параллелизмов невозможно.

В Конусах к тому же перед перечислением исправлений стоит формула наделения Урукагины властью и возвращения им справедливости.

Кол. III

Лакуна (около 15 строк выбито)

III 1'-5') Правитель города, визирь и жрец-*абгаль* больше не берут серебро.

Отмена не только многократных поборов, но и налога вообще.

III 6'-9') Если бедняк садок для рыбы сделает, не могут отобрать у него рыбу.

Та же ситуация, отменяющая налог.

III 10'-13') За (хранение) краденого штраф налагается; потерянные товары (теперь) вывешиваются на городских воротах ¹.

По-видимому, раньше за хранение краденого следовало наказание. Теперь же пропавшее обнаружится, а хранивший его ответственности не несет.

¹ Ф. Вукосавович понимает так: «Thieves gave up on that crime (stealing), (and) lost (stolen!) items at the gate are displayed» (Op. cit. P. 156).

III 14'-19') Если женщина мужчине выкажет превосходство (?)¹, то закрывают рот той женщины обожженным глиняным кирпичом / сосудом(?) и этот обожженный кирпич/сосуд вывешивается (на всеобщее обозрение) на городских воротах.

Скорее всего, речь идет об общественном порицании. Возможно это образное выражение, отражающее некое магическое действие, когда злые слова, вышедшие изо рта женщины, магически запирают в сосуд и выставляют для общественного порицания. Наблюдаемый здесь параллелизм с предыдущим прецедентом вывешивания на городских воротах краденых вещей объяснить пока не представляется возможным.

III 20'-24') В прежние времена женщина могла
двух мужей иметь,
теперь на женщин (за это)
штраф налагается.

Здесь нарушение порядка исправляется посредством наложения штрафа на сторонниц упраздненной полиандрии, что означает: эта древняя практика теперь невозможна².

Следует отметить перекрестный параллелизм формул «вывешивать на воротах» и «налагать штраф» по отношению к товарам и женщинам.

III 25'-30') Толкователь снов, провидец, прорицатель.
бросающий жребий (?),

¹ Я читаю строки 14'-15': munus-e nita-ra / x inim² gib-ba i₃-ni-du₁₁. Аналогичное понимание в переводе Ф. Вукосавовича: «(If a)... woman speaks to a man like his superior¹ a brick is shoved in the woman's mouth. This brick is (then) displayed at the gate» (Op. cit. P. 156). Д. Фрэйи переводит: «If a female speaks to a male (in a way) exceeding her rank (or position in society) one covers the mouth of that women with a baked clay "brick" (?), and that baked brick is hung (in display) at the city gate» (RIME1, p. 273).

² Д. Фрэйи понимает строки противоположным образом: «As for women of former times — a man (could) take two of them; but for women of today — indemnity payments (for debts?) have been removed (and the practice has been abolished)» (RIME 1, p. 273). Однако с таким толкованием нельзя согласиться. Шумерский текст munus u₄-bi-ta-ke₄-ne / nita 2-ta / i₃-tuku-am₆ / munus u₄-da-e-ne / za-aš₂-da-bi i₃-šub буквально переводится «женщины прежних дней по два мужа имели. (На) женщин нынешних дней штраф их падает». Брать женщин в гарем — хорошо распространенная практика древнего Ближнего Востока. И за это ни в одну эпоху не полагался штраф. Поэтому перевод Фрэйи едва ли можно считать правильным. Ф. Вукосавович переводит иначе: «Women of that time had / married two men each. Women of today gave up on that crime» (Op. cit. P. 156). Он полагает, что глагол šub может быть понят как «отказываться», «отменять». Но если бы обычай двоемужества отменился сам, то не понадобился бы царский правовой вердикт.

тот, кто устанавливает медные стрелы
в землю, в слово (слова) богов (лакуна).

Лакуна не позволяет восстановить текст ¹.

В тексте «Овальной пластинки» нет традиционной формулы Энметены, которая помогла бы отождествить надписи Энметены и «Овальную пластинку»: «...возвращение к матери в Лагаше восстановил, сына вернул матери, мать вернул сыну, прежние условия заемщикам зерна вернул...» Однако здесь есть неожиданное для законодательного текста воспоминание о давней победе Энанатума I над Урлуммой в пограничной войне с Уммой ². По-видимому, такая память была необходима в условиях нового обострения отношений с этим городом, усилившимся при царе Лугальзаггеси, и Урукагина напоминает своим гражданам, что Лагаш в состоянии повторить свою победу.

Далее описывается эта пограничная война за территорию, где главным предметом споров является канал как стратегический объект. В Конусах В и С информации о войне нет.

Кол. IV

Лакуна (около 15 строк выбито)

1') Поскольку (речь) об этом зерне, поскольку он
(Энанатум) кого-то послал, (говоря):

«Мое зерно должно быть принесено»,

5') (то) Урлумма гневно ему сказал:

«Антасурра — моя, Кисурра — моя».

Поводом к войне служит зерно, которое, судя по контексту, должны были доставить во дворец кого-то из предшественников Урукагины на троне Лагаша — скорее всего, Энанатума, ведшего войну с Уммой, о победе в которой говорится в Стеле коршунов Энанатума. Ответом на требование зерновой дани было заявление Урлуммы — *энси* Уммы — о правах на территорию Лагаша. И Антасурра, и Кисурра упоминаются в надписях еще со времен Акургалы (RIME 1.09.02.01). Возможно, речь идет об исправлении прежней несправедливости, допущенной предыдущим царем по отношению к чужой территории.

¹ «The dream interpreter, seer, ration assigner, and carpenter working at the building site the word of the gods with the arrows...» (Вукосавович Ф. Op. cit.). О разных вариантах интерпретации этой строки см.: Емельянов В. В. В. Струве как историк месопотамской религии. Часть 2 // Религиоведение. 2016. No. 4. Автор данной статьи понимает строку так: «Толкователь снов, провидец, жребии, плотником в земле воздвигнутые, — повеления богов — посредством медной стрелы (букв.: 'вместе с медной стрелой')».

² Этот эпизод встречается в надписи Энанатума I (RIME 1.9.4.2 VIII 7-X 2).

10') Умма поднялась, чужих стран достигла, на поле Угига — любимом поле Нингирсу — Нингирсу Умму при ее выступлении уничтожил. (Над) Урлуммой, энси Уммы, победу у истока канала Луммагирнун он одержал, свое войско из 60 воинов он (энси Уммы) бросил.

28') власть (обширная лакуна).

Здесь сообщается о военной победе, одержанной, однако, не самим царем Лагаша, а его богом Нингирсу. Это очень сильный аргумент в защиту легитимности царской власти. Очень важной деталью этого отрывка является тот факт, что не только города принадлежат богам, но и поля. «Любимое поле Нингирсу» — место, которое не может быть пустым, лишенным присутствия бога.

V 1'-24') ...ему построил. Храм Баппир-гештин-шита-гальгаль, угодный его хозяину, построил. Его любимый канал Па-саманкаду мотыгой ему вырыл. Храм Бау построил. Игалиме «Храм яростных, великих МЕ небес и земли» построил. Шульшагану Китуш — аккильли построил. Хенгир — любимой надиту Нингирсу — ее храм построил. Прекрасной Ламассу — своей защитнице — ее храм построил. Нинму — резнику Нингирсу...

Большая строительная часть надписи Урукагины говорит от имени царя — именно царь Урукагина возводит храмы и прокладывает каналы в честь своих богов (как местных, так и личных). В Конусах В и С в начале текста идет речь о строительстве храмов, а в конце — после реформенной части — о рытье каналов. Здесь же говорится сразу и о храмах, и о каналах. В начале текста лакуна очень небольшая, и уместить в нее все постройки невозможно. Не исключено, что в начале текста говорится только о части строительных мероприятий, так как в Конусах сообщается о постройке дворца Тираша, Антасурры, помещения для стрижки овец Бабы, храма *бур-санг* и стены Гирсу. Строительные мероприятия из Конусов и из Овальной пластинки обширны, вряд ли они могли проводиться одновременно. Это может значить, что реформы шли в несколько этапов и каждому этапу реформ соответствуют свои строительные мероприятия.

Ф. Вукосавович считает «Овальную пластинку» более древним реформенным текстом, чем надписи Урукагины: «Весьма вероятно, что после прихода к власти Энентарзи построил храмы для Игалима, Шульшаганы и Хегира, повысил их значимость и установил их регулярные подношения — практика, продолженная Лугаландой и Уруинимгиной. Если это так, то *terminus post quem* для написания Ukg 6 должно быть правление Энентарзи, который, как я предполагаю, может быть автором Ukg 6, что исключает династию

Ур-Нанше, включающую Энтемену (реформатора) и Эннатума I (упомянутого в Ukg 6). Этот текст мог быть для него способом порвать с семьей Ур-Нанше и их наследием, или был просто продолжением реформаторской практики, "начатой" Энтеменой. Возможность того, что Энентарзи или Лугаланда написали Ukg 6, также может объяснить, почему Ukg 6 так отличается от других "текстов реформ", которые мы можем с уверенностью приписать Урунимгине. Я предполагаю, что когда Урунимгина пришел к власти, он просто написал свои собственные "тексты реформ", которые были основаны на Ukg 6, но не идентичны этому тексту»¹.

Однако здесь уже показано, что большинство параграфов «Овальной пластинки» находится в соответствии с параграфами текстов Урукагины. Встречающиеся в них термины *igi-nu-du₈* и *ad-di_g* также известны только из его текстов. Поэтому следует рассматривать интересующий нас текст как инструктивную часть реформ последнего царя первой лагашской династии. Вполне возможно, что текст «Овальной пластинки», написанный на глиняной табличке, был черновиком будущих надписей на конусах.

IV

Итак, из разбитого, но все-таки сохранившего структуру текста «Овальной пластинки» понятно следующее:

- кем был этот правитель-реформатор по происхождению, кем он был в общественной иерархии, что понудило его создавать подобные тексты — происхождение или внешние обстоятельства. ⇒ Урукагина был тем правителем, которого не только избрали боги местного и подтвердили боги нипшурского пантеона, но и победу в войне за него одержал его бог Нингирсу, что является признаком очень высокой избранности и самого царя, и его оружия, как аргумента его власти. Урукагина использует формулу «...с богом Нингирсу Урукагина этот договор заключил», в которой царь является инициатором договора с богом, то указывает на его особое избранничество, даже если оно не связано с его династической историей;

- что Урукагина изменил в структуре царской надписи, если учесть, что реформенные тексты, датируемые первыми годами правления, были и у царя той же I династии Лагаша Энметены. ⇒ Урукагина ввел в царскую надпись несколько существенных аргументирующих элементов: 1) вместо царственных предков на посту царя

¹ *Vukosavović F.* Op. cit. P. 44.

города он ввел форму родства с прошлым города «прежнее имя (постройки) он установил», 2) конструкция «прежнюю судьбу установил» в тексте буквально звучит как «возвращение к матери установил» (ama-gi4-bi e-gar). Здесь есть совершенно очевидно и фигуральное выражение, и фундаментальная календарная идея, обозначающие некий первичный порядок, которое заменяет Урукагине упоминание предков — сам первичный порядок для него предок, и дает датировку текста весенним периодом;

• каковы отношения с линейным или иным временем в этих текстах. ⇒ В «Овальной пластинке», благодаря лакунам, формулы, связанные со временем не встречаются. Но принцип — возвращение к первичному порядку, как в Конусах В и С, — свидетельствует о том, что Урукагина воспринимает время как возвращаемое через действия царя на вверенном ему богами локусе. При этом locus неделим и неизменен, а время делимо и ретроспективно. Время в надписях Урукагины трактуется через место, то есть через пространство, но тем не менее со временем можно и нужно работать — его можно восстановить через деятельность на вверенном ему локусе. На примере царских надписей видно, что внутри царской титулатуры выстраиваются вертикальные и горизонтальные связи: по вертикали по отношению к локусу расположена фигура царя, по горизонтали к царю расположен locus, это двухмерная картина. И такие горизонтально-вертикальные двумерные взаимоотношения характерны для всех субъектов и объектов старошумерской царской надписи. Единственным феноменом, который может формировать трехмерную картину посредством введения некоего фактора, влияющего на вертикальные и горизонтальные связи, может быть время, которое упоминается в ретроспективе в Конусах В и С в формуле u4-ul-li-a-ta numun-e2-a-ta u4-bi-a «с давних пор, (когда) семя вышло, тогда» и в формуле «ama-gi4-bi e-gar «прежнюю судьбу установил». Так возникает объемная картина, включающая в себя ретроспективу, перспективу и неизменное положение локуса.

Таким образом мы видим, что законотворчество не было самоцелью для правителя шумерского города. Его целью была реставрация правильного и благополучного времени.

Законотворчество связано с представлением о царской власти и с таким ее аспектом, как возможность влиять на положение вещей во времени, а не только в пространстве, а также с аспектом, который связан не просто с покорностью воле богов, но и с активным взаимодействием с богами в виде заключенных с ними договоров.

Формальные особенности текста «Овальной пластинки» таковы, что в сравнении с Конусами В и С мы обнаруживаем и сходства, и нововведения. Сходство заключено в параллелизме как логиче-

ском, так и эстетическом и эмоциональном средстве воздействия, а также в повторяющихся действиях царя как основе его власти. Различие мы видим в упоминании правовых прецедентов, строительных объектов, заключении царем договора с богом и победой над врагом в пограничном конфликте, которая была принесена богом, а не царем.

Ответ на последний вопрос о том, как царь воспринимал время своего правления, видел ли царь итоги своей деятельности как нечто обреченное на уход вместе с ним, или как нечто закрепленное им и на какой срок, из «Овальной пластинки» не следует в виду ее сильной поврежденности. Но общая тенденция, присущая царской надписи, такова: царская власть, передаваемая по наследству, либо полученная законным путем от бога, призвана зафиксировать не время правления конкретного царя, а истинное изначальное время на вверенном ему локусе.

Gavrilova Yu. B.

**The Oval Plaque of Urukagina among the Inscriptions
of the 1st Dynasty of Lagash: General and Specific**

The article compares the text of the «Oval Plaque» from the city of Girsu with the reform texts of Enmetena and Urukagina (24th century BC). It is established that the text of the «Oval Plaque» has an applied legal character in relation to the texts of cones and inscriptions on vessels containing the declaration of reforms. The text is divided into paragraphs, each of which provides a legal precedent. The text does not contain any formulations that would define the situation as unfair or problematic. All precedents are given exclusively as facts and are described by the standard formula «if such and such produces something, then such and such takes away part of what he produces». Special cases are precedents from the field of family law, indicating the existence of polyandry. The situation of the border conflict between Lagash and Umma is given as a historical example of injustice. It is shown that the purpose of law-making for the ruler of the Sumerian city was the restoration of the correct and prosperous time. Based on a comparison of the inscriptions of Enmetena and Urukagina, it was concluded that the «Oval Plaque» was composed under Urukagina.